

НАШИ ЧАСЫ — ЭТО УКРАШЕНИЕ МИРА ДАВИДЕ ЧЕРРАТО, MONTBLANC

— Montblanc Star
Legacy Full Calendar

когда вы покупаете произведение искусства, оно становится вашим, оно выражает и вашу индивидуальность

— Montblanc Star
Legacy Nicolas
Rieussec Chronograph

Итальянец Давиде Черрато успел поработать в таких известных марках, как Panerai и Tudor. Три года назад тогдашний президент Montblanc Жером Ламбер пригласил его для руководства расположенным в Швейцарии часовым производством германской марки.

— Вы итальянец, работаете в немецкой марке, которой руководят французы, но командуете часовщиками в Швейцарии. Ваши клиенты не путаются, кто эта Montblanc и откуда?

— Нам помогает название. Гора Монблан — сердце Европы. Глава марки Никола Барески — француз. Французы успешно занимаются административной и коммерческой работой, немцы сильны в производстве, итальянцы хороши в дизайне, швейцарцы производят часы, потому что они в этом лучшие.

— Montblanc не сразу занялась часами, но теперь ей принадлежит старинная мануфактура Minerva. В чем, по-вашему, разница между этими двумя предприятиями? Вы ведь не стали вешать на здании Minerva вывеску Montblanc?

— В Швейцарии у нас две мануфактуры — одна в Ле-Локле, она в основном выпускает часы наших крупных серий, и вторая, бывшая Minerva в Виллере, где мы делаем самые дорогие и сложные модели, разрабатываем мануфактурные усложнения.

— Но мануфактуры работают вместе.

— Это как правое и левое полушария мозга. Нет двух марок, есть одна — и часы, которые мы представили здесь, в Майами, лучший тому пример. Minerva — часть нашей истории. В конце концов, когда вы покупаете произведение искусства, оно становится вашим, оно выражает и вашу индивидуальность.

— Вы выпускаете часы, которые стоят от нескольких тысяч до десятков и сотен тысяч франков. Как это уживается в рамках единой стратегии Montblanc?

— У нас разный уровень цен, но всегда один и тот же высочайший уровень качества и деталей. Это часть нашей истории и часть нашей гаммы, в которой есть вещи, если можно так выразиться, начального уровня и вещи мануфактурные, предназначенные уже для коллекционеров. Коллекционер, который покупает часы за 20 тысяч, не удивлен тому, что в той же линии есть модель за 3 тысячи. Главное, что он понимает, в чем отличие первых от вторых, в его вещи стоит мануфактурный механизм Minerva, имеющий огромную ценность на рынке. Ну а человек, начинающий с более дешевых часов, вполне может со временем перейти в разряд коллекционеров.

— То есть вы готовы сопровождать клиента в его развитии?

— В том-то и дело! Ему не надо покидать марку и идти к другой. Montblanc сопутствует ему всю жизнь. Есть марки, которые делают принципиально недорогие часы и не заходят в высшую лигу. Тоже достойный вариант. А есть марки, которые стоят на самом вершине и с презрением смотрят на бедных клиентов. Мы поступаем не так. Наш мир открыт для всех, у кого есть желание, любопытство и вкус.

— Montblanc делает ручки, но люди все меньше пишут и все больше печатают, и придумывает часы, которые когда-нибудь заменят компьютерами. Это вас не беспокоит?

— Я родился в Турине. Это колыбель автомобильного производства. В одном городе работали все самые знаменитые автомобильные дизайнеры — Pininfarina, Bertone, Zagato. Я уверен, что между миром автомобилей и часами очень много общего. В них есть внешнее и внутреннее — шасси и мотор, корпус и механизм. И посмотрите, что происходит с машинами. Я люблю ходить на автомобильный салон в Женеве и несколько лет подряд возвращался оттуда страшно разочарованный. Кругом были экономичные маленькие уродливые консервные баночки. Там превозносили электрические машины, экологические машины, зеленые машины... А как же красивые? «Если это будущее автомобиля, это просто кошмар», — говорил я себе. И что же — к нам снова вернулись спорткары и мощные внедорожники. Никто не говорит о том, насколько они экологичны — наверняка больше, чем их предшественники, — но не это становится их главным достоинством. Главное — возвращение красоты и авантюризма. То же происходит и с часами.

— Значит, поэтому здесь, в Майами, мы участвуем в автомобильном параде на машинах американской мечты?

— Конечно. Это большая американская автомобильная мечта, к которой чувствительны все мужчины, начиная с трех лет, когда они играют в машинки, и кончая возрастом, когда они играют с машинами и машинищами. И, кстати, женщины тоже небезразличны к этой мечте. Так и наши часы — это украшение мира, а не компьютер на запястье.

— Но Montblanc представлял соединенные часы.

— Мы сделали это три года назад. Мы вошли на рынок, потому что понимали, что Google выберет себе лишь нескольких партнеров и тот, кто не войдет вовремя, не войдет никогда. Только я не стал бы называть эти умные приборы часами. Часы Montblanc — это совсем другое дело.

— Вижу, вы оптимист.

— Я оптимист и я итальянец. Если итальянец не оптимист, значит, он уже мертв.

Беседовал Алексей Тарханов